УДК 130.2 DOI: 10.56900/2312-6116_2024_11_11

Субъектность метамодерна: знаки времени (по следам былой дискуссии)[*]

© **С. В. Борисов**

Аннотация:

Статья посвящена анализу проявления субъектности метамодерна. Актуальность исследования обусловлена необходимостью пересмотра некоторых особенностей метамодернизма в связи реалиями современной культуры. Хотя метамодернизм не является философской системой, автор обосновывает мысль о том, что, колеблясь между модернистским логоцентризмом и постмодернистским нигилизмом, метамодернизм придерживается принципов кантовского «трансцендентального идеализма» и, стремясь к трансцендентности, преодолевает имманентность. Основанием метомодернистской эстетики является также объектно-ориентированная онтология, которая, не разрушая иерархий, которые будут угрожать человеческому месту в мире, предлагает средства, с помощью которых можно составлять обновленную карту бытия с учетом всей его сложности и многообразия. Выйдя за рамки постмодернистской отстраненности и отчуждения, метамодернизм апеллирует к этике, эстетике, аутентичности, надежде, пробуждению чувственности. Метамодернизм характеризуется холизмом, коннекционизмом и ассимиляцией. На примерах из области изобразительного искусства, литературы, кинематографа, а также современных образовательных практик показаны эти особенности.

Ключевые слова: модернизм; постмодернизм; метамодернизм; трансцендентность; имманентность; новая эстетика; объекто-ориентированная онтология; Монтессори-педагогика.

В ответ на религиозный романтизм более ранних эпох, модернизм открыл широкое поле идей в философии и искусстве, ознаменовав собой главенство научного мировоззрения. Возникший в середине XX века постмодернизм, напротив, обозначил позицию, которая отвергала определенность и универсализм идей модерна. Постмодернизму свойственны гротеск, иррационализм, игра с символами и смыслами, а также гипертрофированный индивидуализм, включая отказ от самой идеи истины как объективной универсальной точки зрения. Еще Ф. Ницше уловил этот постмодернистский дух, когда написал, что *«истины – иллюзии, о которых мы позабыли, что они таковы»* [1, с. 440]. Подобный скептицизм в отношении истины был мейнстримом французской философии шестидесятых годов, особенно в критике лингвистики Ж. Деррида и тотальном пересмотре основ социальных наук М. Фуко.

Однако, вытеснив модернизм, постмодерн переживает сейчас свой закат. Наиболее влиятельные идеи постмодернизма 70-х и 80-х годов потеряли популярность. И вот на смену постмодернизму приходит метамодернизм, который начал формироваться на рубеже тысячелетий, колеблясь между двумя «враждующими» полюсами модерна и постмодерна [2; 3]. Актуальность этого колебания обусловлена тем, что современность в принципе не завершилась, более того, по словам Я. Добровольского, *«она становится вечной “обновленной сверхсовременностью”, неопределенностью или рефлексивным ожиданием “до самого конца” того, что иное, не представляемо и невообразимо. В таком понимании, современность уже изначально, у своих истоков, является “обновленно-современной”, ибо такая у нее логика (а значит, категория “сверхсовременности” и постмодернизма становится безусловно необходимой как имманентный момент модернизма, не хронологически, а синхронно – постмодернизм как возможный вариант модернизма)»* [4, с. 158]. Таким образом, вопрос о наступающем «ином» является специфическим

[*] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00855.

©**Сергей Валентинович Борисов**, доктор философских наук, профессор, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск, Россия); e-mail: borisovsv69@mail.ru

вопросом современности, а ответы на него колеблются между видением ничтожности и бренности радикально и жизненно иного человека в различных его формулах.

Интернет-журнал «Заметки о метамодернизме» выходил в свет с 2009 по 2015 годы и анализировал наиболее значимые события в культуре XXI века. За время своего существования в интернет-журнале приняли участие около пятидесяти критиков и теоретиков самых разных направлений, писавших о трендах и тенденциях текущих событий, сетевой культуре, архитектуре, дизайне, моде, искусстве, музыке, литературе, театре, перформансе, фотографии, кино и телевидении [5].

Создатели этого журнала и теоретики метамодернизма Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккер исходят из того, что постмодернизм ушел в прошлое, но в философской литературе пока еще нет консенсуса по поводу того, что приходит ему на смену. Они предлагают именовать эти новые тенденции *«метамодернизмом»,* подчеркивая тем самым неурегулированное взаимодействие, колебания («качели») между модернизмом и постмодернизмом. Однако они утверждают, что метамодернизм – это не философия и не направление в социально-гуманитарных науках или искусстве. Если речь идет о философии, значит, предполагается, что это система мышления. Это подразумевает, что она закрыта, что у нее есть границы. Это также означает, что в ней есть своя логика. Если говориться о направлении или программе, значит, что в этом есть своя политика, вера в то, как должна быть организована культурная среда. Предложить какой-либо «-изм» в качестве эстетики – значит предположить то, что можно зафиксировать, взять из литературного текста или художественного образа. Но метамодернизм – это не система мысли, скорее это структура чувства, особое отношение к жизни. *«Метамодернизм,* – пишут Вермюлен и ван ден Аккер, – *это структура чувства, настроения, если хотите, установки, зависящей от общего состояния организма, его уровня энергии, уровня ресурсов, находящихся в его распоряжении для решения проблем, и степень напряжения, в котором он находится в результате соотношения его ресурсов и его проблем, глобальное, продолжительное чувство, втягивающее все окружающие детали в свою орбиту, которое относится к экономическому, политическому и экологическому кризису, поощряющему альтернативные модальности мышления, к демократизации компьютерных технологий, которые возвращают возможности публичной сферы в коллективное сознание в той мере, в какой это обеспечивает беспрецедентный уровень наблюдения, и к демографии, связанной с взрослением поколения миллениалов, желающих другой жизни, чем та, которую им устроили родители»* [6].

Метамодернизм не предлагает какой-либо утопической цели. Конечно, он может описывать преобладание неких тенденций в современной культуре, но определенно не предписывает их. Термин «метамодернизм» чисто «технический» и используется скорее для периодизации современности и исторического осмысления настоящего. Префикс «мета-» выбран для того, чтобы выразить колебательную динамику, которая наблюдается в искусстве и культуре. Эта динамика есть отражение социальной ситуации, в которой история колеблется в пределах диалектики практики (например, труд vs капитал) и диалектики разума (например, идеалы vs повседневная жизнь).

Ж.-Ф. Лиотар в своей книге «Состояние постмодерна» (1979) [7] в качестве главной характеристики постмодернизма выделял его «недоверие метанарративам» прежних эпох таким как идеи о историческом и культурном прогрессе цивилизованного человечества. Постмодернизм отмечен духом недоверия к любой универсальной вере, которая должна объяснять человеческую жизнь и историю, будь то система религиозных, политических, этических или социальных убеждений. Единственные приемлемые факты для постмодернистов – это факты различий и факты небольших нарративов, не претендующих на универсальное значение и всеобщее признание с позиции рациональности.

Если постмодернизм разоблачал большие метанарративы, то метамодернизм признает, что они по-прежнему актуальны. Более того, сама идея о смерти великих нарративов, по сути, стала нарративом наряду с идеями плюрализма, глобальной демократизации и секуляризма. Как выразился Д. Ананда, «большая часть постмодернистского канона коренится в его собственных пессимистических нарративах о греховности бытия, колониализме и смерти Бога» [8, p. 4]. *«Речь идет о том,* – пишет Я. Добровольский, – *что жизнь в своих проявлениях становится всё более “пышной” и всё более “невыносимой”, и возносится с каждым разом всё выше, одновременно падая всё ниже. Причем, в любом смысле, например, в экономической перспективе, которая четко показывает, что рост богатства непосредственно приводит к росту нищеты так, если*

бы каким-то абсурдно фатальным образом природа требовала, чтобы одни люди расплачивалась за разнузданное поведение других» [4, с. 162–163].

Колеблясь между модернистским логоцентризмом и постмодернистским нигилизмом, метамодернизм придерживается кантовского «трансцендентального идеализма» – идеи о том, что мы можем мало или вообще ничего не знать о реальности, поскольку она сама-по-себе находится за пределами нашего опыта. Вермюлен и ван ден Аккер подчеркивают, что метамодернизм не отказывается от бесконечного стремления к истине, сохраняя при этом убеждение, что никогда нельзя быть самонадеянно уверенным, что истина достигнута. В этом плане метамодернизм разделяет идеи Фуко о том, что универсальные «истины», закрепленные исторической традицией, отражают властные отношения внутри общества, что подрывает само представление об объективной истине. Однако при этом постмодернизм радикально сужает фокус, как будто смотрит на мир в перевернутый бинокль. Без чего-то «глубокого» мы получаем только поверхность – одномерную плоскость здесь и сейчас. Без объективной глубины остается только бесчисленная субъективная мелочность: никаких фактов, только интерпретации. Если нет трансцендентности, остается лишь имманентность. Именно поэтому Ж. Бодрийяр отмечал, что постмодернистское направление привело к философской озабоченности поверхностями и симулякрами: *«нет больше зеркальности между бытием и его отображением, между реальным и его концептом»* [9, с. 4]. Или как пишет Д. Харви, *«постмодернизм плавает и даже барахтается в фрагментарных и хаотичных потоках перемен, как будто это всё, что есть»* [10, p. 44].

Постмодернизм был отмечен духом иронии и цинизма, был вызовом модернистскому энтузиазму в построении рациональной картины мира. Метамодернизм также демонстрирует признаки иронии – но теперь ради преодоления вражды и установления мира. Проявлением этого является то, что ряд современных писателей отказываются от постмодернистских техник деконструкции, фрагментации и стилизации, отдавая предпочтение реконструкции (истины) и ценностям эстетического выражения (то есть красоты и эмоционально захватывающего искусства). Выйдя за рамки постмодернистской отстраненности и отчуждения, метамодернизм стремится привлечь читателя, апеллируя к этике, эстетике, аутентичности, надежде, пробуждению чувственности. Метамодернистские художники – это те, кто понимает, что они могут быть ироничными и искренними одновременно. Метамодернизм характеризуется холизмом, коннекционизмом и ассимиляцией. Однако колебания метамодернизма не следует рассматривать как усредненный баланс, равновесие. Скорее, это маятник, раскачивающийся между полюсами модернизма и постмодернизма. Каждый раз, когда метамодернистский энтузиазм склоняется к фанатизму, гравитация тянет его обратно к иронии; в тот момент, когда его ирония склоняется к апатии, гравитация тянет его обратно к энтузиазму.

Итак, с недавним спадом типично постмодернистской критичности и появлением нового поколения, реагирующего не только на дискредитированное понятие трансцендентности, но также и на неудовлетворенность постмодернистской «поверхностью» и экзистенциальную дезориентацию, в современный метамодернистский период структура чувств характеризуется своего рода «колебанием» между этими полюсами. Действительно, кажется, что из этого тигля выковывается совершенно новая глубинная модель, ибо представители этого поколения осмеливаются снова вообразить трансцендентность. В метамодернистских формах искусства происходит возрождение мифа. И всё же именно потому, что эта трансцендентность не может быть однозначно утверждена, ее проявление как идеи имеет существенно иной характер, чем в (до)модернистском романтизме. Это чувство трансцендентности, возникающее из признанной имманентной структуры и в конечном итоге сдерживаемое ею. Мифотворчество становится творческим и исследовательским актом, совершаемым ради ощущения самой вещи в сфере имманентности. Как отмечает Б. Демпси, «метамодернистская вера должна предполагать своего рода атеизм, если человек хочет иметь свободу создавать своего “Бога”. Но этот хрупкий теизм, порождаемый метамодернистскими религиозными концепциями, никогда не останавливается на фиксированной перспективе, никогда не теряет пластичности искусства. Он не может полностью закостенеть в прежних наивных религиозных концепциях, потому что опять рухнет под критическим анализом обратно в атеизм. Действительно, только в рамках этого динамизма могут существовать подобные мифы» [11]. Вот два примера метамодернистского искусства. Работа М. Уиттфута (2011) *«Pieta»*, получившая свое название от иудео-христианского образа Девы Марии, держащей мертвое тело Иисуса, изображает тушу птицы, чей желудок извергает загрязняющие

вещества и токсичные материалы, которые ее убили. Здесь дерево, на котором она покоится, принимает на себя роль Марии и благодаря этой ассоциации кажется антропоморфным (ил. 1). Религиозное повествование о грехе и искуплении находит здесь замену. Чувство священного переносится на Природу – полностью имманентную, но наводящую на мысль о какой-то новой трансцендентности и требующую действия. Точно так же в работе А. Миллера (2013) «The Roses Never Bloomed So Red» используется традиционная композиция картин, изображающих поражение сатаны архангелом Михаилом. Однако у Миллера место Михаила занимает охотник, а место дьявола – нимфа. «Дикая» природа побеждена жестоким ангелом «развития» на фоне мрачного индустриального пейзажа, что заставляет рассматривать эту победу как великое духовное поражение. Традиционный религиозный нарратив, таким образом, буквально перевернут (ил. 2).

Ил.1. Pieta Мартин Уиттфут. Пьета, 2011.

Fig. 1. Pieta by Martin Wittfooth, 2011. https://www.mutualart.com/Artwork/The-Pieta/9F2AA66445D9CA94CD3E67BDBC0F83A2

Ил. 2. Адам Миллер. Розы никогда не цвели такими красными, 2013.

Fig. 2. The Roses Never Bloomed So Red by Adam Miller, 2013. http://www.johnseed.com/2013/10/adam-miller-towards-contemporary.html

Метамодернизм часто опирается на принципы неоромантизма. Художники-неоромантики стремятся украсить мир, разглядеть красоту за фасадом уродливой реальности. Демонстрируя свою преданность поэтам-романтикам, таким, например, как У. Вордсворт, метамодернисты склонны открыто выражать свои эмоции, «раскачиваясь» между энтузиазмом по поводу жизни и саморазрушительным стремлением к смерти. Они колеблются между конструктивным использованием искусства для социальных изменений и самовыражением искусства ради искусства. Метамодернизм также возрождает интерес романтиков к таким предметам, как возвышенное, сверхъестественное, невинность и трагедия. Это объясняет, почему в отличие от деконструктивных и иронических картин постмодернизма многие современные картины обращены к природе – к захватывающим дух пейзажам. Вермюлен и ван ден Аккер полагают, что метамодернизм находит свой специфический язык для того, чтобы зрители или читатели ощутили возвышенное, в отличие от постмодернизма, который деконструирует художественный опыт с помощью анализа художественного языка.

Фильмы режиссера У. Андерсона являются еще одним примером метамодернистского духа времени, отмеченного тоской по былой невинности и в то же время иронически отражающего

ужасы жизни. Речь идет о фильме «Отель “Гранд Будапешт”» (2014), действие которого происходит в разгар Второй мировой войны, где показана история эксцентричной дружбы между аристократическим менеджером отеля, ошибочно осужденным за убийство, и его посыльным-беженцем, представителем этнического меньшинства, который стремится помочь своему боссу доказать невиновность. Во времена насилия, фашизма, расизма и коррупции сохраняется романтическая сентиментальность благодаря узам дружбы между хозяином и слугой. В фильме также прослеживаются метамодернистские «качели» между сферами фантастики и реальности. Красочные пейзажи фильма свидетельствуют о попытках Андерсона вовлечь зрителей в созерцание природной наивности и величия. Но при этом фильм полон иронии и не лишен постмодернистской деконструкции (ил. 3).

Ил. 3. Кадры из фильма «Отель “Гранд Будапешт”»
Fig. 3. Stills from the film "The Grand Budapest Hotel"
https://www.kinopoisk.ru/film/683999/stills/?utm_referrer=www.google.com

С 2011 года с появлением канала Tumblr постоянно расширяется архив изображений, связанных с технологиями. Архив призван задокументировать свидетельства всё более симбиотических отношений между человеком и машиной, в результате чего появляется зачастую неожиданная красота. Рог изобилия помех, пикселизации, рендеринга, сбоев в распознавании лиц, аномалий GPS и бесчисленное множество других цифровых артефактов служат для создания новых визуальных форм. Новый визуальный язык теперь впитывается в мейнстримовую культуру и широко используется теми, кто работает в творческих областях. Например, видео К. Уэста «Welcome to Heartbreak» (2009) года, в котором используются эффекты сбоев, чтобы погрузить зрителя в новые необычные хроматические текстуры, такое психоделическое жидкое световое шоу для цифровой эпохи. Машины уже давно стали предметом художественных интриг и экспериментов в области неожиданных технологических причуд. Полвека назад музыканты воспользовались недостатками лампового усиления, и до сих пор нежелательные звуковые искажения на высокой громкости являются модной стилизацией. Современные цифровые искажения разрушают и подрывают линейное механическое развитие, действуя как аберрации, которые дают альтернативные, более мощные ощущения. В искаженном звуке есть полноценная материальность, точно так же, как в «глюках» цифрового видео. Эти ошибки и эксцессы выходят за пределы холодных и строгих границ виртуального мира, они «оживляют» его (ил. 4).

«Новая эстетика» – это нечто большее, чем просто цифровые причуды и аномалии. Основная проблема здесь заключается в более широких последствиях избытка технологий, когда современная культура пытается примириться с новым порядком вещей, порядком, который находится в постоянном изменении. Такое явление является симптомом того, насколько наши ожидания от визуального мира становятся всё более запутанными и деформированными из-за слияния множества технологий. Л. Тёрнер объясняет это явление следующим образом: *«Мы заложники прошлого в такой же степени, как и заложники будущего. Мы блаженно переживаем 8-битный примитивизм ушедшей эпохи, навсегда сохраненный бесконечными архивными*

возможностями Интернета, и в то же время используем те же самые сети для формирования фантастических пейзажей завтрашнего дня. Мы объединяем механические особенности разных эпох, купаясь в туманном, насыщенном сиянии аналоговых симуляций Hipstamatic, которые делают цифровое уродство прекрасным, наслаждаясь при этом всей легкостью и оперативностью современного телефона с камерой. Более того, мы питаем ностальгию, как по прошлому, так и по будущему, которое так и не настало. Таким образом, мы являемся циниками и в то же время вечными оптимистами, наши технологии в равной степени вызывают нашу меланхолию и изобретательность. Возникающее метамодернистское состояние позволяет нам одновременно смотреть во все направления, колеблясь между обещаниями и ловушками прошлого, настоящего и будущего» [12].

Ил. 4. Кадр из видео К. Уэста «Welcome to Heartbreak»

Fig. 4. Still from K. West's "Welcome to Heartbreak"
video: https://www.youtube.com/watch?v=wMH0e8kIZtE

В недавно появившейся философии спекулятивного реализма есть направление, называемое «объектно-ориентированная онтология» (ООО), которое стремится поместить все объекты, а не только человека, в центр существования. Его спекуляции пытаются избежать того, что стало известно, как корреляционистская ловушка, описанная К. Мейясу в его книге «После конечности: Эссе о необходимости контингентности» как *«идея, согласно которой мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности»* [13, с. 11]. Антропоцентризм, который доминировал в философском дискурсе со времен «коперниканской революции Канта», и возникающий в результате этого раскол между человеком и миром, который требует такое мышление, здесь радикально переосмысляется. Как утверждает Г. Харман, «отношения человека и мира – это всего лишь частный случай отношений между любыми двумя сущностями, *плоская онтология*, устраняющая примат отношений человека и объекта и предоставляющая таким образом всем объектам одинаковый онтологический статус» [14, p. 206]. Мировоззрение, отстаиваемое ООО, приближается к чему-то похожему на панпсихизм, при котором считается, что все объекты фактически «воспринимают» свои отношения с другими объектами. Не разрушая иерархий, которые будут угрожать человеческому месту в мире, ООО вместо этого пытается предложить средства, с помощью которых можно составлять обновленную карту бесконечной сложности бытия. Необходимо признать неравенство между объектами по степени, в которой они неравномерно влияют на мир человека. Таким образом, дело не в том, чтобы перестать думать о человеке, а, скорее, в том, чтобы начать думать о всё большей роли, которую играет «не-человеческое» в организации наших отношений с миром.

Исходя из этой онтологии, можно сделать вывод, что «новая эстетика» колеблется, собирая и отбрасывая идеи, создавая коллажи, свободные ассоциации, не осознавая до конца всех

последствий этих связей. Это поистине метамодернистский феномен, воплощающий вновь обретенный стимул к спекуляциям. Интернет предоставил платформу для самовыражения, что привело к появлению подобных движений с открытым исходным кодом и неопределенными направлениями. Можно ли называть это искусством? Конечно, поскольку искусство всегда было обещанием к невыразимому и непостижимому и попыткой говорить об этом эстетическим языком.

Как известно, постмодернизм отличался бескомпромиссным отказом от исторической аутентичности, поскольку он рассматривал историю как еще одно грандиозное повествование. Напротив, писатели-метамодернисты увлечены исследованием событий прошлого, особенно тех, которые имеют отношение к текущим политическим и социальным процессам, таким как изменение климата, глобализация, глокализация, финансовый кризис, террористические атаки, цифровая революция. *«Даже если бы мы всё еще были ироническими постмодернистами или превратились в пост-иронических метамодернистов, ведь очевидно, что упрощенные представления о линейном прогрессе уже давно разоблачены как иллюзорные, тем не менее нас уже не может соблазнить нигилизм, поскольку разум подсказывает нам, что прогресс все-таки возможен»* [3, p. 75].

В своей книге *Metamodernism and Contemporary British Poetry* (2021) [15] Э. Роуленд отмечает, что некоторые поэты современности перенимают формальные приемы литературы начала XX века, одновременно отдавая должное традиции и избегая ее, добавляя к ней свой собственный оттенок. Например, стихи Д. Хилла, изобилуют образами природы в романтическом и трансценденталистском смысле, но в то же время повсюду в его стихах присутствует скептический дух постмодернизма. Например, в «Овидии в Третьем рейхе» Хилл говорит, что «Бог далек и труден», но при этом задается вопросом каким же образом сам поэт может соответствовать божественному. Стихотворение является свидетельством того, что Л. Хатчеон называет «self-conscious, self-contradictory, self-undermining» [16, p. 12], поскольку оно одновременно принимает и ставит под сомнение доминирующие культурные и социальные нормы.

Яркий пример того, что может дать «метамодернистский роман», как его определяет К. Азиз [17, p. 28], можно найти в книге Д. Барнса «Предчувствие конца» (2011) [18]. Он опирается на наследие постмодернистской литературы в ее экспериментальном смысле, отмеченное своей нелинейностью. Но роман также характеризуется модернистским стремлением к самоанализу, поскольку главные герои философски оценивают свою жизнь, чтобы определиться со своей текущей ситуацией в динамике времени. В романе делается вывод о том, что как только человек достигнет самодостаточности, освободив себя от материальных потребностей, он сможет достичь истинного счастья. Философский метод саморефлексии является основной характеристикой модернистской литературы и созвучен темам Просвещения. Тони, один из главных героев романа, размышляет о моральной ответственности человека за свою осмысленную жизнь: *«Жизнь – это непрошеный подарок; мыслящий человек связан философским обязательством исследовать как природу жизни, так и ее необходимые условия»* [18, с. 32]. Однако роман также изобилует постмодернистскими темами, когда герой не доверяет истинности истории. Например, Тони говорит, что *«история – это уверенность, которая рождается на том этапе, когда несовершенства памяти накладываются на нехватку документальных свидетельств»* [18, с. 37]. Он задается вопросом о загадочных сложностях жизни, полагая, что никогда не разгадает тайну времени, и открыто заявляет о своем невежестве и бессилии, задаваясь вопросом: «Что я знал о жизни, я, который жил так осмотрительно?». Действительно, несмотря на все попытки реорганизовать жизнь, Тони остается связанным непреодолимыми обстоятельствами. Однако мудрость, которую он ищет, действительно дает ему утешение. Он приходит к пониманию того, что ему нужно попросить прощения у Вероники, своей бывшей жены, за всё зло, которое он ей причинил; однако она умирает, не получив от него покаянного письма. По иронии судьбы, тревога возвращается в его жизнь как раз тогда, когда он думает, что обрел смысл. Весь роман – это постоянное колебание («качели») между удовольствием и болью, потерей и приобретением, ошибками и возмещением ущерба. Роман заканчивается тем, что Тони заявляет, что «да, есть опыт, есть ответственность, но помимо этого, есть постоянное беспокойство, великое беспокойство». Эти слова очерчивают дух метамодернизма: вера в человеческую свободу и ответственность не устраняет проблему непредсказуемости жизни.

Следует согласиться с А. Кардашем, который отмечает, что, например, русскоязычному читателю критерии отнесения тех или иных художественных произведений к метамодерну покажутся сомнительными. Кардаш пишет: *«У нас одним из главных постмодернистов в литературе считается Пелевин. Его характерная черта – это совмещение ироничной и циничной социальной критики с искренним энтузиазмом и наивным следованием буддизму»* [19]. Получается «этого метамодерниста» литературные критики ошибочно приписали к постмодернистам.

Коротко и ясно основные идейные позиции метамодернизма выразил Л. Тёрнер в своем «Манифесте» [20]. Колебания признаются естественным порядком мира. Они освобождают от инерции, возникшей в результате столетия модернистской идеологической наивности и циничной неискренности. Колебания эти осуществляются между позициями, когда диаметрально противоположные идеи действуют как полярности, создающие электромагнитный эффект. Всякому опыту присущи ограничения, но они не порабощают, их осознание дает возможность приступать к той или иной задаче так, как будто эти пределы могут быть преодолены.

В современных методиках Монтессори-педагогики в контексте связи и соотношения субъектности и адаптивности метамодернистский принцип «качелей» реализуется в полной мере. Любая педагогическая система сама по себе имеет значение благодаря приверженности к ней, но целью этой приверженности является не «порабощение» ее методом и процессом, а желание находиться на пределе, на ее границе, чтобы легко выходить за прочерченный пунктиром контур этой системы. Реальность открывается посредством колебания между осознанием новизны (удивления) и осознанием косности, устаревания (сомнения). Технологии, которые использует Монтессори-педагогика, позволяют участникам образовательного процесса одновременно и переживать, и осмысливать одни и те же события с различных позиций. Любая информация является основанием для знания, выражается ли она научным или художественным языком. Экспериментальная педагогика открывает уникальную возможность постигать истину через ошибки.

С. Д. Аксенова, М. С. Корнеева, О. Г. Прикот, Н. Е. Тагаева развивают представление об организационном формате образовательных феноменов метамодерна как об образовательных экосистемах в смысле отношения доверия между человеком и миром. Цифровыми средствами данного бытия выступают метавселенные «мира Web-3» [21]. Таким образом, метамодернистская педагогика работает в условиях нелинейности и ценностного релятивизма. «На выходе» этой педагогики формируются аутентичные деятели – люди поколения alpha ludens, суть мышления которых озарения и синтез, проявляемые в контексте агентного поведения. Методологическая парадигма этого процесса – продуктивное образование (learning by doing, перенос внешней мотивации на внутреннюю). Целью и результатом является благополучие людей (субъективное, социальное, цифровое) в образовательных экосистемах.

Огромное внимание в Монтессори-педагогике уделяется взращиванию и измерению «эмоционального интеллекта». Это осуществляется методами педагогического (невключенного) наблюдения, которые повсеместно распространены в Монтессори-педагогике. С их помощью возможно целенаправленное восприятие какого-либо педагогического явления для получения конкретных фактических данных о нём. Эти методы отличаются от бытового наблюдения конкретностью объекта наблюдения, наличием специальных приемов регистрации наблюдаемых явлений и фактов. Такие методики позволяют выявлять эмоциональное состояние, познавательный интерес, социальное поведение (взаимодействие с учителями, со сверстниками, соблюдение правил группы), самостоятельность в деятельности (выбор, концентрация внимания, длительность работы, полнота/завершенность, аккуратность, самоконтроль и самооценка), осуществлять скрининговое интегративное наблюдение.

Таким образом, после постепенного угасания постмодернизма появляется метамодернизм как компромисс между модернизмом и постмодернизмом. Метамодернизм не отвергает метанарративы и считает их важными для поиска истины, даже если истина всё время ускользает. Метамодернизм пронизан ностальгией, вызывающей надежду обрести субъектность, целостность и аутентичность. Он, как и неоромантизм, обращается к первозданной природе как к источнику человеческих интересов и желаний. Метамодернизм также проливает свет на жизненные обстоятельства, «качели», на которых подвешен современный человек, на которых он раскачивается между идеальным миром изобилия, знаний и счастья и реальным миром бессилия, потерь и неопределенности. Поскольку история всё еще остается необходимым условием понимания настоящего, метанарративы всё еще имеют значение. Однако настоящее не должно

стать повторением прошлого, поэтому метамодернизм извлекает продуктивные уроки из ошибок модернизма и постмодернизма.

Однако по мыли А. Павлова, метамодерн сможет стать лидирующей концепцией только тогда, когда избавится от своих собственных недостатков, каковыми могут быть, например, недостаточное внимание к диджитилизации общества и эволюции популярной культуры. *«Не учитывать влияние интернета и "радикальных технологий" на общество и культуру – означает обрекать свои идеи на мгновенное забвение»*, – пишет А. Павлов [22, с. 14]. Кроме того, хотя разные авторы привносят в проект метамодерна что-то свое (литературу, фотографии, кино и сериалы), в нем всё равно остаются прорехи, он все еще не тотален, в то время как постмодерн, рассматривал культуру во всей ее тотальности. Еще один недостаток, по мысли А. Павлова заключается в том, что метамодернисты мало обращаются к социальным проблемам. Однако хочется верить, что данный проект всё еще не завершен и появится еще не один повод увидеть проявление в жизни его основных знаковых идей.

Список литературы

1. Ницше Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле // Ф. Ницше. Полное собрание сочинений: в 13 т. – Т. 1–2: Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 гг. – М.: Культурная революция, 2005. – С. 433–448. – ISBN 978-5-902-76430-4.
2. Bibliography: Metamodernism by Katie Elson Anderson. URL: https://katieanderson.camden.rutgers.edu/bibliographies/metamodernism (visit date 12.07.2024).
3. Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism / R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen (eds). Lanham: Rowman & Littlefield, 2017, 260 p. ISBN 978-1783489619.
4. Добровольский Я. Философия глупости. История того, что иррационально. – Харьков: Издательство «Гуманитарный центр», 2014. – 412 с. – ISBN 978-617-7022-18-2.
5. Notes on Metamodernism. URL: https://www.metamodernism.com/about-2 (visit date 12.07.2024).
6. Vermeulen T., van den Akker R. Misunderstandings and clarifications, Notes on Metamodernism, 2015, June 3. URL: https://clck.ru/3Bs6fA (visit date 12.07.2024).
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с. – ISBN -5-89329-107-7.
8. *Ananda J., Storm J. Metamodernism: The Future of Theory, Chicago; London: The University of Chicago Press*, 2021, 374 p. ISBN: 978-0-226-78665-0.
9. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с. – ISBN 978-5-91478-023-1.
10. Harvey D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change, Cambridge: Blackwell, 1989, 379 p. ISBN 0-631-16292-5.
11. Dempsey B. (Re)construction: Metamodern 'Transcendence' and the Return of Myth, Notes on Metamodernism, October 21, 2014. URL: https://clck.ru/3Bs5US (visit date 12.07.2024).
12. Turner L. The New Aesthetic's Speculative Promise, Notes on Metamodernism, July 2, 2012. URL: https://clck.ru/3Bs6YC (visit date 12.07.2024).
13. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. – Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. – 196 с. – ISBN 978-5-7525-3069-2.
14. Harman G. Towards Speculative Realism, Winchester, UK: Zero Books, 2010, 219 p. ISBN 978-1846943942.
15. Rowland A. Metamodernism and Contemporary British Poetry, Cambridge: Cambridge University Press, 2021, 280 p. ISBN 978-1108895286.
16. Hutcheon L. The Politics of Postmodernism, London: Routledge, 1989, 206 p. ISBN 978-0415039918.
17. Aziz C. From Postmodernism to Metamodernism, Philosophy Now, 2024, Issue 162, pp 26–29.
18. Барнс Дж. Предчувствие конца. – М.: Азбука-Аттикус, 2011. – 161 с. – ISBN 978-5-389-12788-3.
19. Кардаш А. Критика философских оснований метамодерна // Insolarance. – 2019 – 15 июня. URL: https://insolarance.com/metamodern-criticism (дата обращения 12.07.2024).

20. Turner L. Metamodernism / Manifesto. URL: http://www.metamodernism.org (visit date 12.07.2024).
21. Аксенова С.Д., Корнеева М.С., Прикот О.Г., Тагаева Н.Е. Концепт продуктивного образования в контексте метамодернистского дискурса // Человек и образование. – 2023. – № 1. – С. 24–37. DOI: http:dx.doi.org/ 10.54884/S181570410025091-5.
22. Павлов А. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос: философско-литературный журнал. – 2018. – Т. 28. – № 6. – С. 1–19. URL: https://www.logosjournal.ru/articles/1988 (дата обращения 12.07.2024).

Article Summary ***Design. Art. Industry*, 2024, Issue 11**

DOI: 10.56900/2312-6116_2024_11_11

Sub"ektnost' metamoderna: znaki vremeni (po sledam byloi diskussii) [Subjectness of metamodernity: signs of the times (in the wake of a previous discussion)]

Abstract:

The article is devoted to the analysis of the manifestation of subjectness of metamodernity. The relevance of the study is due to the need to revise some of the features of metamodernism in connection with the realities of modern culture. Although metamodernism is not a philosophical system, the author substantiates the idea that, oscillating between modernist logocentrism and postmodern nihilism, metamodernism adheres to the principles of Kantian “transcendental idealism” and, striving for transcendence, overcomes immanence. The basis of metamodern aesthetics is also an object-oriented ontology, which, without destroying the hierarchies that will threaten the human place in the world, offers the means with which one can create an updated map of being, taking into account all its complexity and diversity. Going beyond postmodern detachment and alienation, metamodernism appeals to ethics, aesthetics, authenticity, hope, and the awakening of sensuality. Metamodernism is characterized by holism, connectionism and assimilation. These features are shown using examples from the field of fine arts, literature, cinema, as well as modern educational practices.

Key words: modernism; postmodernism; metamodernism; transcendence; immanence; new aesthetics; object-oriented ontology; Montessori pedagogy.

Author: **Sergey V. Borisov**, Doctor of Philosophy, Professor, South Ural State Humanitarian-Pedagogical University (Chelyabinsk, Russia); e-mail: borisovsv69@mail.ru

References

1. Nietzsche F. *Ob istine i lzhi vo vnenravstvennom smysle* [About truth and lies in an extra-moral sense], Complete collection of works in 13 vo., vol 1–2: Nesvoevremennye razmyshleniya. Iz naslediya 1872–1873 gg. [Untimely thoughts. From the heritage of 1872-1873]. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya, 2005, p 433–448 (in Russian). ISBN 978-5-902-76430-4.
2. Bibliography: Metamodernism by Katie Elson Anderson. URL: https://katieanderson.camden.rutgers.edu/bibliographies/metamodernism (visit date 12.07.2024).
3. R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen (eds). *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2017, p 260. ISBN 978-1783489619.
4. Dobrowolski J. *Filosofiya gluposti. Istoriya togo, chto irracional'no* [Philosophy of stupidity. The story of what is irrational], Kharkiv: Izdatel'stvo “Gumanitarnyj centr”, 2014, 412 p (in Russian). ISBN 978-617-7022-18-2.
5. *Notes on Metamodernism.* URL: https://www.metamodernism.com/about-2 (visit date 12.07.2024).
6. Vermeulen T., van den Akker R. *Misunderstandings and clarifications*, Notes on Metamodernism, June 3-th 2015. URL: https://clck.ru/3Bs6fA (visit date 12.07.2024).
7. Lyotard J.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The state of postmodernity], Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii; St. Petersburg: Aletejya, 1998, 160 p (in Russian). ISBN -5-89329-107-7.

8. *Ananda J., Storm J. Metamodernism: The Future of Theory, Chicago; London: The University of Chicago Press*, 2021, 374 p. ISBN: 978-0-226-78665-0.
9. Baudrillard J. *Simulyakry i simulyacii* [Simulacra and simulations]. Moscow: Izdatel'skij dom "POSTUM", 2015, 240 p (in Russian). ISBN 978-5-91478-023-1.
10. Harvey D. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*, Cambridge: Blackwell, 1989, 379 p. ISBN 0-631-16292-5.
11. Dempsey B. *(Re)construction: Metamodern 'Transcendence' and the Return of Myth*, Notes on Metamodernism, October 2, 2014. URL: https://clck.ru/3Bs5US (visit date 12.07.2024).
12. Turner L. *The New Aesthetic's Speculative Promise,* Notes on Metamodernism, July 2, 2012. URL: https://clck.ru/3Bs6YC (visit date 12.07.2024).
13. Meillassoux Q. *Posle konechnosti: Esse o neobhodimosti kontingentnocti* [After finitude: An essay on the necessity of contingency], Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyj uchenyj, 2015, 196 p (in Russian). ISBN 978-5-7525-3069-2.
14. Harman G. *Towards Speculative Realism*, Winchester, UK: Zero Books, 2010, 219 p. ISBN 978-1846943942.
15. Rowland A. *Metamodernism and Contemporary British Poetry*, Cambridge: Cambridge University Press, 2021, 280 p. ISBN 978-1108895286.
16. Hutcheon L. *The Politics of Postmodernism*, London: Routledge, 1989, 206 p. ISBN 978-0415039918.
17. Aziz C. 2024. *From Postmodernism to Metamodernism,* Philosophy Now, Issue 162, pp 26–29.
18. Barnes J. *Predchuvstvie konca* [The Sense of an Ending], Moscow: Azbuka-Attikus, 2011, 161 p (in Russian). ISBN 978-5-389-12788-3.
19. Kardash A. *Kritika filosofskih osnovanij metamoderna* [Criticism of the philosophical foundations of metamodernity], Insolarance, June 15, 2019 (in Russian). URL: https://insolarance.com/metamodern-criticism (visit date 12.07.2024).
20. Turner L. *Metamodernism / Manifesto.* URL: http://www.metamodernism.org (visit date 12.07.2024).
21. Aksenova S.D., Korneeva M.S., Prikot O.G., Tagaeva N.E. *Koncept produktivnogo obrazovaniya v kontekste metamodernistskogo diskursa* [The concept of productive education in the context of metamodernist discourse], CHelovek i obrazovanie [Man and Education], 2023, no 1, pp 24–37 (in Russian). http:dx.doi.org/ 10.54884/S181570410025091-5.
22. Pavlov A. *Obrazy sovremennosti v XXI veke: metamodernizm* [Images of Modernity in the Twenty-First Century: Metamodernism], Logos: filosofsko-literaturnyj zhurnal [Logos: Philosophical and Literary Journal], 2018, vol 28, no 6, pp 1–19 (in Russian). URL: https://www.logosjournal.ru/articles/1988 (visit date 12.07.2024).

For Citation

Borisov S. V. Subjectness of metamodernity: signs of the times (in the wake of a previous discussion). *Art. Industry: International Journal of Scientific Research* Editor in chief N M Shabalina. Chelyabinsk: Tekhne Publishing House, 2024, Issue 11, pp 11–21 (in Russian). https://doi.org/ 10.56900/2312-6116_2024_11_11

Образец цитирования

Борисов С.В. Субъектность метамодерна: знаки времени (по следам былой дискуссии) // Дизайн. Искусство. Промышленность: Международный журнал научных исследований / гл. ред. д.-р. иск. Н. М. Шабалина. – Челябинск: Издательский Дом Технэ, 2024. – Выпуск 11. – С. 11–21. https://doi.org/ 10.56900/2312-6116_2024_11_11